

ГЛАВА 3

В ту первую субботу, в начале мартовской оттепели, мальчика привез серый фургон, за рулем которого сидел атлетического сложения командир скаутов в отглаженной униформе. Капало отовсюду: с водосточных труб, с перил, с кормушек для птиц и с боковых зеркал автомобиля. Командир скаутов выбрал одного мальчика из отряда — остальные ребята выглядели и крупнее, и ленивее — и с ним промаршировал к крыльцу. Он представился как Тед Ледбеттер, потом представил выбранного им хрупкого мальчика, чей сдержанно-прилежный вид сразу взволновал ее.

Первое слово, которое возникло в ее сознании, словно отлетевшая рикошетом градина, — *brolis*. Она зажмурилась, будто это слово и впрямь ударило ее по голове.

Брат.

Ему было одиннадцать, хотя по виду он мог сойти и за восьмилетку. Поверх скаутской формы — нелепая непромокаемая кожаная куртка, из которой торчала голая шея, худенькая и неестественно белая. Он выглядел беззащитным и ранимым. Командир скаутов оставил мальчика, перед этим дав ему по-военному несколько указаний, и пообещал забрать через два часа.

Фургон с грохотом отъехал, мальчик молча стоял перед Уной, хрупкий и простодушный, как кузнецик.

— Как приятно с вами познакомиться, — произнес он.

— Хм, — ответила Уна.

— Сколько вам лет? — мальчик внимательно посмотрел на нее.

У нее в голове промелькнуло и сорвалось с губ еще одно слово: *šimtas*.

Он моргнул.

— Что?

— Сто.

— На каком это языке?

— Не знаю, — ответила Уна озадаченно. — На литовском, наверное. На самом деле мне сто четыре года, а не сто. Один-ноль-четыре.

Они стояли вдвоем в мире, истекающем каплей, и оценивали друг друга. Мальчик восхищался весом живого столетия, а Уна удивлялась, откуда, черт возьми, взялись два никак не связанных между собой слова на языке, которого она до сих пор не помнила.

— Ну что ж, заходи, — сказала она.

Он вошел и вежливо остановился на коврик — с его ботинок натекла вода.

— Я хочу дать тебе несколько поручений, — сказала она. — Если ты не сможешь или не захочешь их выполнять, то лучше сразу скажи.

— Я смогу.

— Ты ведь еще не знаешь, какие поручения.

— Все равно смогу.

Произношение у него было прекрасное, только порой он делал маленькие, едва заметные паузы в неподходящих местах, как иностранец или человек, которому не хватило воздуха.

Работником он оказался хорошим: исполнительный, старательный и довольно тщательный. По субботам вывозили мусор, и он довозил ее мусорный бак от бордюра аж до самого сарая, как она и рассчитывала, и заменил веревку на крышке бака, на что она совсем

не рассчитывала. Он снимал все птичьи кормушки, наполнил их до краев, а потом повесил обратно с усердием оформителя витрин. Он счистил с дорожек остатки снега. Когда она угощала его печеньем, приехал командир скаутов.

Уна сказала, что согласна взять мальчика на работу. У мистера Ледбеттера просто камень с души свалился — всех предыдущих кандидатов она отвергала в первый же день.

В следующую субботу — после того как он проделал все манипуляции строго в том же порядке, что и неделю назад, отчего она подумала, уж нет ли у него на ладошке шпатель, — мальчик признался, что обожает рекорды. Они сидели за столом, ели крекеры в виде животных, и мальчик откусывал поочередно хвост, лапы, голову. Каждый раз в той же последовательности.

— Нет, не спортивные рекорды, — объяснял он. — А рекорды типа... Во-первых, как долго можно вращать монету. Во-вторых, самая большая в мире коллекция карандашей. В-третьих, самый длинный волос в ухе. — Он перевел дыхание. — В-четвертых...

— Рекорды из Книги Гиннеса, — сказала Уна.

Она слушала его, не испытывая раздражения, и это само по себе уже доставляло ей удовольствие.

— Вы знаете о ней! — он ужасно обрадовался. — Между прочим, попасть туда труднее, чем многие думают.

Обычно скауты наводили на нее тоску: подсчитывают, кто заработал больше очков, обсуждают итоги футбольных матчей, ленятся работать и пытаются схалтурить. Однако этот мальчик принес с собой ощущение второго детства: ей казалось, она говорит с ребенком,

которого могла знать, когда ей самой было одиннадцать. Она с легкостью поместила его в дом Мак-Говернов⁴, представила у белого мраморного фонтана со стаканом шоколадного сидро. Она могла вообразить, как он играет в стикбол на Уолд-стрит вместе с мальчиками в белых рубашках или открывает дверцу черного РЕО⁵ Джо Пребби. Было в нем что-то странноватое, отчего он казался пришельцем из других времен, из иных миров.

Он помог вспомнить ту пору, когда люди ей еще нравились. И что она прожила не одну жизнь. Она вынула из кармана монету в двадцать пять центов. Примерилась несколько раз и закрутила ее.

— Итого пять секунд, — объявила она после того, как монета поколебалась и подчинилась силе тяжести. — А рекорд сколько?

— Девятнадцать целых тридцать семь сотых секунды, — ответил мальчик. — Установил мистер Скотт Дэй, страна Великобритания. У вас стол недостаточно ровный.

Уна посмотрела на шарф с блестящими наклейками, который висел у него на груди.

— А рекорд по наградным значкам ты знаешь?

— Мистер Джон Стэнфорд, гражданин США, получил сто сорок два почетных значка. — Он взглянул в окно. — Есть значок за распознавание птиц.

— В самом деле? Это снегирь, — она проследила за его взглядом.

Уна научилась у Луизы узнавать самых распространенных птиц в ту пору, когда жизнь еще преподносила

⁴ Мак-Говерны — герои любовного романа Маргарет Уэй «Мой кумир».

⁵ РЕО Motor Car Company — компания, которая производила автомобили и грузовики с 1905 по 1975 год.

маленькие сюрпризы. Вела записи почти десять лет, но сейчас даже не помнила, когда в последний раз действительно наблюдала за птицами. Кормила их из жалости.

— Я уже знаю кое-каких птиц, из обыкновенных, — сказал он. — Во-первых, ворона. Во-вторых, малиновка. В-третьих, дубонос. В-четвертых, синица-гаичка. Но чтобы получить значок, во-первых, нужно знать двадцать птиц. Во-вторых, нужно построить скворечник. В-третьих, нужно угадать пять птиц по их голосам.

Уголки его мягких губ опустились:

— А у меня нет музыкального слуха.

— В самом деле? Мой муж Говард был несостоявшимся певцом, поэтому у меня к музыке неоднозначное отношение, — Уна похлопала себя по уху. — Но птичье пение совсем другое дело. Правда, я перестала улавливать высокие тона. Последний раз я слушала птиц, когда мне было семьдесят два. Даже у малиновки порой пропадает звук, будто у сломанного радио.

— Как это грустно, — сказал он, тело его замерло в позе, которая передавала глубокое сочувствие, и она ощутила сильное, настоящее сожаление из-за того, что лишилась всех этих птичьих голосов и напоминающие флейту звуки больше не могут просочиться через ветхие перепонки ее внутреннего уха. Закончив ухаживать за Луизой, которая доживала дни на последней стадии рака, Уна не смогла вернуться к своим прежним занятиям и решила, что они последовали за Луизой в Великое Неведомое. «Только смотри, не превратись в старого краба, — предостерегала ее Луиза в те последние дни. — Это проще всего». И да, именно это с ней произошло: она превратилась-таки в старого краба.

— Мистер Джон Резникофф, гражданин США, попал в Книгу Гиннесса, потому что коллекционировал волосы, — сказал мальчик. — Во-первых, волосы Авраама Линкольна. Во-вторых, волосы Мэрилин Монро. В-третьих, волосы Альберта Эйнштейна. В-четвертых...

Список был длинным, и она дослушала до конца, не перебивая. Он не сводил глаз с ее лица. Он хранил в памяти невероятное количество рекордов, все в том же роде: про коллекционирование волос, про вращение монет. Он тоже коллекционирует — понемногу, признался мальчик. Чтобы коллекционировать по-настоящему, требуются деньги и возможности, которых, разумеется, нет у обычного пятиклассника.

— Мистер Джон Резникофф покупает волосы для коллекции, — уточнил мальчик. — Не думайте, что он раскапывал могилу Линкольна.

— О! А я уж подумала.

— Мистер Ашрита Фурман, гражданин США, прошел восемьдесят целых девяносто шесть сотых миль со стеклянной бутылкой молока на голове.

— За один раз? — недоверчиво переспросила Уна.

— Мистер Ашрита Фурман также поставил рекорд по числу рекордов. — Мальчик помолчал. — Во-первых, где мне взять стеклянную бутылку с молоком? Во-вторых, как мне отмерить восемьдесят миль? В-третьих, разве мама разрешит мне прошагать восемьдесят миль с бутылкой на голове, даже если я соберусь?

Он снова помолчал и добавил:

— Таковы мои дела.

Хотя о себе он рассказывал немного, Уна догадалась, что школа была для него пыткой: день за днем он прятался на заднем ряду в страхе, что его вызовут.

На переменах он, наверное, стоял в одиночестве. Ее сыновья легко обзаводились друзьями, особенно Фрэнки — такой солнечный, он всем нравился. Этот мальчик, с его размеренным голосом и сдержанными манерами, гораздо больше походил на ее ребенка, чем собственные сыновья.

— Я знавала человека, который жонглировал мышами, — сказала она.

Он широко раскрыл глаза, и она вдруг брякнула о своем побеге из дома.

— Вы сбежали из дома? — переспросил мальчик, и она поняла, что подверглась переоценке в его глазах. — Вы бросили свою маму?

— Время было занятое, в воздухе пахло войной. Я в том году укоротила все свои юбки, сколько их у меня было, да и другие девушки в Кимболе сверкали икрами.

Подстегиваемая внимательным взглядом серых глаз мальчика, Уна продолжала:

— Мистер Холмс был хозяином труппы; шулер, насколько я могу судить. Представление у него было так себе, обычное дело для бродячих трупп, больше походило на карнавал вроде тех, что устраивают сегодня в торговых центрах.

— О! — воскликнул мальчик. — Я однажды был на таком.

— Ну и как тебе?

— Карусель крутилась очень быстро.

— Ну, у нас была старая каруселька, которую мистер Холмс выиграл в покер, — добротный такой двухрядный «Армитаж Хершелл», переносная модель. Приехал — разобрал, собрал — уехал. Видал такие?

— Никогда, — мальчик снова широко раскрыл глаза. — Вот бы повидать.

Уна вынула карты и начала их тасовать.

— Они старались изо всех сил: эта карусель, какие-то третьеразрядные трюки, попугай, который исполнял «Те самые дни» голосом Софи Такер. Слышал ее?

— Нет. А можно послушать?

— Моя «виктрола»⁶ давно сломалась, — ответила она. — Шесть вечеров подряд я ходила смотреть на это представление. А на седьмой вечер влюбилась прямо там, возле карусели.

Да разве и могло быть иначе? Знойный вечер, запах кокосов и подсохшей тины, паровая карусель с разноцветными лошаdkами, навечно застывшими в неистовой скачке.

— Я до сих пор помню выпученные глаза этих лошадей, — сказала она мальчику. — Ты себе даже не представляешь, какие тогда были краски! Ничего общего с нынешней тусклятиной. Выбери карту из колоды.

Мальчик посмотрел удивленно:

— Сейчас?

— Когда будешь готов. Я тебя немного позабавлю.

Она узнала слово «позабавить» от Мод-Люси Стоукс, учительницы из своего детства, чья грамматически безупречная речь внушила маленькой Уне первое, хоть и неправильное, впечатление об Америке как о стране исключительной точности, в чем ей со временем пришлось разочароваться. Уна полюбила английский с самого начала и обращала на него огромное внимание, постоянно подмечала разные языковые феномены: синтаксические катастрофы своих родителей, повседневную ругань жестящика, чистейшее произношение Мод-Люси. Стиль

⁶ Фонограф, выпускавшийся в первой половине двадцатого века фирмой Victor.

речи может заставить слушателей испытать жалость, проникнуться почтением, купить банку тушенки, которая не нужна. Мод-Люси учила Уну строить предложения сознательно, и в конечном счете та выработала свой стиль, смешав высокий жанр с низким, что вполне соответствовало ее неоднозначному отношению к человечеству.

— Вот так все и случилось, — говорила она мальчику. — Стояла я в толпе других девочек — своих соседок, смотрела, как эти чудесные лошадки все бегут и бегут по кругу, а Виктор, ученик татуировщика, прохаживался мимо, словно мы уже встречались во сне. Белокурый красавец Виктор, русский.

Он украл сначала ее сердце, потом невинность, а затем деньги.

— До этого я ни разу мальчика даже за руку не держала. Я была не из таких.

— А из каких?

— О, — вздохнула она. — Ну, как тебе сказать. Из невинных. Вроде тебя. И почему, скажи на милость, я все это тебе рассказываю?

— Не знаю. — Взгляд мальчика упал на нее, словно яркий солнечный луч.

Она на миг почувствовала себя голой. Так подействовало на нее воспоминание о Викторе. О Викторе, которому сто девять лет. Который давно умер, похоронен и теперь флиртует с ней из могилы.

Наконец мальчик выбрал карту. Он рассматривал ее секунд тридцать, не меньше, а потом протянул Уне. Она сделала вид, будто возвратила ее в колоду.

— Готово, — сказала она и метнула его карту на стол справа от колоды.

У мальчика отвисла челюсть.

— Бога ради, ты что, никогда не видел карточных фокусов?

— Настоящих — нет. В классе есть мальчик, который показывает фокусы, но очень плохо, — он нахмурился. — Все думают, Трой Пакард такой крутой.

Травят мальчика в школе, догадалась Уна.

— Ну что ж, тогда смотри сюда, — сказала она, раскладывая карты для простейшего фокуса «Перевернутая карта», как делала множество раз для испуганных мальчиков в приемной академии Лестера в бытность секретарем директора. Самых младших и самых напуганных учеников она учила этому фокусу, как сейчас мальчика.

У него были замечательные пальцы, и старания хватало, но напрочь отсутствовала способность пускать пыль в глаза.

— У тебя хитрости ноль, — сказала она. — Лучше не пробуй показывать этот фокус в школе.

— Мировой рекорд по карточным домикам — сто тридцать один этаж.

— Может, тебе стоит заняться этим. Установи новый рекорд.

— Я пробовал.

— Сколько этажей у тебя получилось?

— Одиннадцать.

— На каждый год жизни по этажу.

Ему, похоже, понравилось ее замечание, и он сказал:

— Мисс Виткус, у вас такие прекрасные руки.

В третью субботу, в благодарность за комплимент, полученный впервые за многие десятилетия, Уна продемонстрировала полный арсенал своих карточных

фокусов — можно сказать, от и до, и совершенно даром. Но мальчик оказался слишком наивным, чтобы оценить разницу между элементарной простотой «Трех королей» и изоциренной сложностью «Утренней почты». Во время манипуляций даже не было необходимости, передергивая карту, отводить ему глаза болтовней, но она все равно отвечала на его вопросы. Впервые за долгое время, если не за всю жизнь, кто-то проявлял такой интерес к самым обычным фактам ее биографии.

У мальчика была манера слушать, с которой она никогда не встречалась: вообще не двигаясь. Глаза, плечи, ноги — все тело замирало. Только пальцы шевелились — в сдержанном, но различимом жесте, словно он что-то подсчитывал. Из слегка сжатого кулака высовывался мизинец, потом безымянный, потом средний, потом указательный, потом большой. Затем вступала другая рука: первый, второй, третий, четвертый, пятый. Затем кулаки опять сжимались, и все повторялось сначала, неизменно, ритмично. Своеобразная престижизитация — казалось, движением пальцев он рассекает ее историю на отдельные пункты невидимого списка и самые обыкновенные сведения превращаются в чудесную поэму.

1. Мисс Виткус приехала в Америку, когда ей было четыре года.
2. Ее родителей звали Юргис и Алдона.
3. Ее родная страна называется Литва.
4. Она находилась под управлением России.
5. Которая хотела забрать всех литовских мужчин и отправить в армию.
6. Так Юргис и Алдона оказались в Кимболе, штат Мэн, где было семь фабрик.

7. Юргис устроился на фабрику, Алдона пошла на сортировку вторсырья.
8. Они решили вырастить свою дочь настоящей американкой.
9. Поэтому не разговаривали с ней по-литовски.
10. А говорить с ней по-английски не могли.

— А вам не было одиноко? — спросил мальчик. — Если бы моя мама не разговаривала со мной, с кем еще на свете я мог бы поговорить?

Он собрал пальцы в кулаки и замер в ожидании очередной десятки фактов. Она почувствовала себя обязанной ответить.

— Мои родители разговаривали со мной, — сказала она.

Мизинец.

— Просто словарный запас у них был ограничен.

Безымянный.

Сквозь толщу лет донеслось до нее многократно повторенное имя: «Уна, ты куда, Уна? Уна, вежливо улыбнись, Уна. Уна, славное платье, Уна. Уна» — единственно разрешенное слово родного языка, слабое утешение, мыльный пузырь, напоминающий о родине. Всплывают картинки из детства... Вот Уна прижимается ухом к двери родительской спальни, жадно и взволнованно вслушивается, как родители шепчутся на родном языке: «пшика-пшика-пшика» — загадочное шурушание, которое напоминает шелест листьев на дереве.

За пределами спальни звучал только английский, английский, английский. Алдона работала целыми днями на картонной фабрике, Юргис — ночами на целлюлозно-бумажной и после смены привозил на пароме запас новых

слов и выражений. Когда Уне исполнилось шесть, они приобрели собственный дом в три этажа с открытой верандой. На углу Уолд-стрит и Чэндлер-стрит дом Виткусов, бревнышко к бревнышку, возвышался как доказательство их стойкости и правильности сделанного выбора. На крошечном заднем дворе они возродили уголок любимой Летувы — разбили огород с таким удивительным расчетом, что урожаем овощей собирали три раза в году.

— Каких овощей? — спросил мальчик.

— Помнится, было много капусты.

— Капусты! — воскликнул мальчик. Похоже, удивить его не стоило большого труда.

1. Юргис и Алдона скопили денег и построили жилье в Кимболе.
2. Дом был трехэтажный.
3. Назывался многосемейный.
4. На заднем дворе у Виткусов росла капуста.
5. Пастернак тоже рос.
6. Маленькая Уна Виткус и ее родители жили на первом этаже.
7. На втором этаже жили другие люди.
8. А на третьем этаже жила молодая леди из Граньярда, штат Вермонт.
9. Ее звали Мод-Люси Стоукс.
10. Она учила играть на пианино и преподавала детям иммигрантов английский язык.

«Хорошее разговаривание», сказал Юргис, когда привел маленькую дочь на третий этаж к Мод-Люси. К блистательной, изысканной Мод-Люси Стоукс. Юргис хотел сказать: «Научите ее чему-нибудь! У нас языки связаны».

— У меня был жуткий английский, — сказала она мальчику.

— Вы прекрасно говорите, — ответил он.

— Но не тогда. Я говорила на чудовищной смеси: американский сленг, сдобренный итальянскими и французскими словечками, которых хваталась на улице. Мои родители понимали, что я ничего не добьюсь в жизни с такой кашей во рту.

— Но ведь ваши родители не говорили по-английски. Откуда они могли знать, что вы говорите плохо?

— Они были иностранцы, но не глухие же, — ответила Уна. — Мод-Люси занималась со мной бесплатно, просто потому, что я ей нравилась. Она занималась со мной каждый день.

— Вдобавок к школе? — спросил мальчик, отпрянув и в ужасе позабыв отогнуть палец.

— Вместо школы. Школа провоняла невымытыми мальчишками и дымом. Учительница ненавидела девочек.

Вместо школы Уна каждый день поднималась на третий этаж к Мод-Люси. К неспешной полнотелой Мод-Люси, которая стриглась до дерзости коротко, питала отвращение к пассивному залогу, держала у себя пианино, кошку и шкаф с книгами в темных толстых переплетах. К Мод-Люси, у которой в комнатах пахло чернилами и лавандой. Которая утверждала, что ей не нужны мужчины. Которая мечтала о ребенке и воспринимала Уну как замену ему. Которая угощала ее глаголами, как шоколадными конфетами.

— Боже мой, вот до чего ты меня довел. — Уна посмотрела на свои пальцы.

Мальчик вдруг спрятал свои руки. Спустя мгновение он спросил:

— А вы скучали по маме с папой? Когда сбежали из дома с цирком?

— Не с цирком, — ответила она. — Уж не воображаешь ли ты, что я скакала по арене на слоне?

— Нет, что вы.

— Ты уж, небось, вообразил, что я отплясывала на спине у слона, верно?

Он засмеялся, как будто развеселившись. До сих пор он не проявлял чувства юмора, только различную степень серьезности.

— Разлука с родителями далась мне легче, чем ты думаешь, — сказала она. — К тому времени я себя ощущала скорее дочерью Мод-Люси, чем своих родителей. Но тем летом ей пришлось уехать к себе в Вермонт, чтобы ухаживать за больной тетушкой. А мои родители строили планы, как вернуться на родину. Так что уйти из дому было нетрудно. Мне исполнилось четырнадцать, довольно большая девочка. Скучала я только по Мод-Люси.

Мальчик немного помолчал.

— По-моему, тут один человек любит мою маму. Это секрет. — Он отвел глаза в сторону. — Может, однажды он станет моим папой.

— А, ну это немного другое.

— Иногда мне кажется, что этот человек и правда мой отец. Примерно как вы считали Мод-Люси своей мамой.

— Я поняла, о чем ты.

— Мой настоящий папа — отличный музыкант.

Он указал в окно:

— Это какая птица?

— Зяблик, — ответила она.

Мальчик схватил рюкзак, вытащил чистый блокнот и добавил зяблика в свой список.

— Теперь восемь, — сказал он. — Осталось еще двенадцать.

Он всматривался в зазеленевшие кусты спирей⁷: наконец-то наступила весна.

— Мне не хватает утреннего щебета, — сказала Уна. — У птиц такие высокие голоса.

— Я должен научиться распознавать пять птичьих голосов.

— Увы, не смогу тебе помочь.

— Будь у птиц голоса пониже, вы могли бы их слышать.

— Тут уж ничего не поделаешь, таков замысел Божий.

Мальчик немного подумал.

— А ваши мама с папой живы?

— Господь с тобой! Ты считать умеешь?

Он помолчал, считая в уме.

— Что с ними стало?

Вот уж чем вообще никто на свете не интересовался.

— Они подшлифовали свой английский, — сказала она. — Ушли с работы и открыли бакалейную лавку. Работали там, пока хватало сил, пожил и умерли. Как это происходит со всеми людьми.

— Не со всеми, — ответил он. — Взять хотя бы вас.

Внезапно его подсчеты, похоже, завершились результатом, который так взволновал его, что это отразилось во всем теле.

— Слушайте, — сказал он и встал. — Мне пришла в голову одна мысль.

Его веки дрожали. Он схватился тонкими руками за голову, словно пытался удержать ее на плечах.

⁷ Род листопадных декоративных кустарников семейства розовых.

— А что, если... мисс Виткус, что, если вы... самый старый человек на планете?

Уна могла бы отнестись к этой новости по-разному.

— Господи, — сказала она. — Надеюсь, что нет.

Он вприпрыжку шагал по кухне, все еще сжимая голову руками, словно удерживал рвущееся ликование.

— Слушайте, мисс Виткус, вы ведь можете попасть... в Книгу... рекордов... Гиннеса!

— И получу денежный приз?

— Во-первых, вы получите сертификат, — говорил он, его голос взмывал вверх. — Во-вторых, вы получите почет. В-третьих, вы получите бессмертие!

— Ну, это все довольно трудно измерить в деньгах, я полагаю, — сказала она.

Тут в дверях возник несносный командир скаутов и увез мальчика домой.